

LA BO

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

New York
Public Library
5th Ave. & 42 St.
New York 18, N.Y.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO, 243 West 56th Street, New York 19, N. Y.

Душа Гоголя

(К 100-летию со дня его кончины)

21-го февраля 1852 года скончался Гоголь, удивительный, неповторимый русский писатель, наиболее всенародный и наиболее, может быть, одинокий в русской литературе; умевший так беззлобно смеяться над тщетными замыслами человека и — всею душою плакать над самим человеком, над искривленностью человеческой веры, над омраченностью человеческих надежд. Литературное, кажущееся иногда столь неправдоподобным, слово Гоголя, близко и к нашей жизни, — тоже теряющей границу между мертвыми и живыми душами. На могильной плите автора «Мертвых Душ» и «Ревизора» были положены слова пророка Иеремии: «Горьким моим словом посмеюсь». Есть в Гоголе, во всей его страдальческой и до сих пор мало разгаданной жизни, что-то пророчески-примиряющее с землей и одновременно освобождающее от ее призраков, для большего и лучшего понимания истинного образа человека.

100-летию со дня смерти Гоголя будет праздноваться в Советском Союзе... Не упомянет ли кто-нибудь о душе Гоголя, о его вере в душу — свою и другого человека, — о его любви ко Христу, Вечному Источнику Света высшего в человечестве? Не будет ли душа Гоголя сейчас многими замалчиваться, одними по неведению, другими сознательно, третьими по невозможности громко сказать всю правду о Гоголе?..

Одним из ярких воспоминаний моего детства на родине, осталось — открытие памятника Гоголю в Москве на Арбате в 1909 году. В ту пору жил в Синцевом Вражке у самого Пречистенского бульвара, часто гулял на этом бульваре. Помню детскую свою радость от получения блестящей медали, с изображением Гоголя, в день открытия ему памятника... В ту пору стояла на своем месте и великий памятник народной веры и веры Гоголя: храм Христа Спасителя, после взорванный и уничтоженный рукою неверующих русских людей, не знавших, что творят... Не думалось мне тогда, в 1909 году, на этом московском празднике, что через сорок с лишним лет я буду, как епископ православной русской церкви в Америке, говорить своему родному народу, через все пространства и океаны, о самом важном в жизни, — о Боге, о душе и — о вере Гоголя... Неисповедимы пути человека.

Только что, в 27-ой книге толстого русского «Нового Журнала», издаваемого в Нью-Йорке, появилась статья одного из лучших современных исследователей русской литературы, проф. Д. И. Чижевского. В этой статье, «Неизвестный Гоголь», Чижевский справедливо говорит, что «натуральный стиль создан и разработан Гоголем не с какой иной целью, как только, чтобы превеличиленно отвратительным, отталкивающим изображением повседневности в мрачных красках вызвать у читателя ту же тоску по высшему, неземному миру, которую Гоголь в произведениях романтического

стиля (и в «Выбранных местах из переписки») пытается вызвать иными средствами — лиризмом и энтузиазмом». Да, Гоголь созрелоточивался на видении идеальной основы мира и его конечного торжества, апофеоза в Боге.

Гоголь не только был глубоко религиозным, но и просвещенно-церковен. В своих статьях и исследованиях о Гоголе, свободная русская литературная критика все более и более сейчас отходит от взглядов прошлого века. Ценная книга издана до войны в Париже: «Духовный путь Гоголя» — историком литературы проф. Мочульским. Глухота Гоголя к социальным реформам происходила от глубокой его погруженности в идею — прежде всего нравственного, внутреннего изменения людей, и через это улучшение и их социальной жизни. Как и Крылов, Гоголь понимал, что для гармонической жизни человечества, людям недостаточно только уметь экономически и социально «рассаживаться» в мире. Им надо еще знать и музыке души освобожденной от зла. Главное свое внимание Гоголь уделяет, поэтому самому человеку, его внутренней настройке, его нравственному изменению к добру, — без чего никто не может, ни осчастливить другого человека, ни оправдать своего существования.

При исключительной целостности своего устремления к Божьей и человеческой правде, Гоголь последних лет казался «отошедшим от жизни». Но, как большой ученый физик или химик, замкнутый в своей лаборатории и всецело устремленный к изучению своего предмета, не являются «оторванными от жизни», так и Гоголь последнего периода, в единении своем не был оторван от людей; он был занят самым главным для себя и всех.

Тайна жизни Гоголя становится более понятной нашему поколению.

Не знаю, многие ли слушатели мои в Советском Союзе знакомы с чисто религиозным произведением Гоголя: «Размышления о Божественной Литургии». Вряд ли православная русская церковь, даже в этот юбилейный для Гоголя год, будет иметь возможность издать для народа вдохновенный пересказ и толкование Гоголем православной Литургии. Я приведу из этого произведения несколько мыслей:

«Божественная Литургия есть вечное повторение великого подвига любви, для нас совершившегося», указывая на пришествие в мир Христа Спасителя, говорит Гоголь. Лучшие люди среди древних народов понимали, что порядок и гармоничность жизни «могут быть водворены в мире только Тем, Который в стройном чине повелевал двигаться миром, от Него созданным. Отовсюду токующая тварь звала своего Творца... Мы это видим в истории религий. Люди предчувствовали и знали, что Создатель скрывающийся в созданиях, предстанет Сам лицом к человеку». Вочеловеченне Бога на земле предчувствовалось всеми «по мере того, как сколько нибудь очищались понятия о божестве». Но нигде так ясно не говорилось об этом, — т. е. о приходе Христа — как

у пророков богоизбранного народа.

Жажда Бога, бывшая в древнем человечестве, вызвала милость Божью к людям. Слово, сотворившее мир, среди людей явилось в образе человека, «как предчувствовали, как предслышали и в темной ночи язычества», но не в том образе — подчеркивает Гоголь — в каком представляли его неочищенные понятия людей «не в гордом блеске величия» — в каком являются мнимые вожди человечества — «не как каратель преступления, не как судья, приходящий истреблять оных и награждать других. Нет! Послышалось кроткое лобызание брата». Совершился приход к людям Бога, «образом, только одному Богу свойственным», — говорит Гоголь.

Высокое значение молитвы, уходящей в бессмертие, было понято «не мудрецами мира и совопросниками века, но теми

людьми, которые рошли до познания глубочайших душевных тайн и видели уже ясно, что разлуки нет между живущими в Боге, что минутной глупостью нашего тела не прекращаются сношения, и что любовь, завязанная на земле, приходит в большую меру на небесах, как на родине своей, и брат, отошедший от нас, становится еще ближе к нам от силы любви»...

Это самое главное, что хотел сказать Гоголь своею жизнью и творчеством.

И лучшей памятью о нем будет — разделить с ним его веру.

Душа Гоголя жива и близка к нам, близка именно в том, в чем сам Гоголь ощущал свою близость к другой душе, даже отошедшей с земли:

«Брат, отошедший от нас, становится ближе к нам от силы любви».

Епископ Иоанн Сан-Францисский

Передано «Голосом Америки» в СССР.